

Published in the Russian Federation
Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities
of the Russian Academy of Sciences
Has been issued since 2008
ISSN: 2075-7794; E-ISSN: 2410-7670
Vol. 24, Is. 2, pp. 154–159, 2016
DOI 10.22162/2075-7794-2016-24-2-154-159
Journal homepage: <http://kigiran.com/pubs/vestnik>

UDC 398

The Spider in the Folklore Traditions of the Kalmyks

Tamara G. Basangova¹

¹ Ph. D. of Philology (Doctor of Philological Sciences), Leading Research Associate, Department of Folklore, Kalmyk Institute for Humanities of the RAS (Elista, Russian Federation). E-mail: basangova49@yandex.ru

Abstract. The multi-genre Kalmyk folklore has incorporated a complex system of symbols that reflect the national distinctness and peculiarities of Kalmyk culture. In the present article, the author studies the image of the spider that has several denominations in the Kalmyk vocabulary: *araaljin* — the cross spider that lives in a house and the web it weaves is called *araljna goelm* — “spider’s web”. The spider acts as a cultural hero: by virtue of it or imitating its actions people learn the art of weaving which is often viewed as the very first handicraft caused by the need for creation. The spider’s second name that arises in spells is *uncle Mandzhi* which implies people’s reverence for the spider. The image of the spider occurs in Kalmyk folklore texts (in spells, superstitious beliefs, seventy two fables), in the pictorial system of Mongolian fairy tales and epic poems. The image of the spider is also reflected in the artworks of the Kalmyks. For example, the Kalmyk silver jewellery is distinguished by an abstract ornament which is different from others. It is called *araljnamoer zeg* (spider footprints). Studies of the animal kingdom in Kalmyk folklore shall contribute to investigating the zoological code in the multi-genre Kalmyk folklore.

Keywords: Kalmyk folklore, spider, spell, ritual, superstitious beliefs.

Роль животного мира в мировоззрении и сакральных сторонах жизнедеятельности народов многогранна. Это и тотемизм (у народов за пределами Евразии), промысловый культ (у народов Евразии и других регионов), магия и связанные с ней обряды, предписывающие разным представителям фауны сверхъестественные силы, дуальную функциональность и особую связь с человеком. Изучение животного мира в калмыцком фольклоре позволит изучить так называемый зоологический код калмыцкой культуры.

Многожанровый калмыцкий фольклор вобрал в себя сложную систему символов, отражающих национальное своеобразие и специфику культуры калмыков. В текстах фольклора, в его изобразительной системе животные, птицы, насекомые разных видов являются классификаторами зон космоса, сторон света, окружающего мира. Одним из интересных многофункциональных образов в калмыцкой культуре является образ паука, который встречается в заговорах и приметах калмыков.

Общее название насекомых в калмыцком языке — *хорха* ‘червяк, червь’ [Калмыцко-русский словарь 1977: 600]. Это слово встречается в составе различных терминов и выражений: *нооста хорха* ‘волосатый червь’, *улан хорха* ‘дождевой червяк’, *хорха арслнг* ‘рубль мелочью’, *хорха боорцг* ‘мелкие круглые изделия из теста’, которые символизируют плодородие [Борджанова 2007: 234]. Выражение *улан хорха* в метафорическом употреблении еще имеет значение ‘очень жадный человек’ [Куканова, Омакаева 2011: 46].

В калмыцком языке есть интересное выражение *хорха шивя* (*шевя* — в других случаях). Второй компонент названия — *шивя*, — по нашему мнению, возникло в результате табуации имени *Манжэ* (Манджи). Само слово *Манжэ* фигурирует в тексте известного заговора — это обозначение тарантула черного цвета, отличающегося своей ядовитостью. От табуированного имени *Шев* произошли калмыцкие фамилия *Шевенов*, *Шивидов*, *Шивдяев* и др. [Борджанова 2007: 78].

В калмыцких легендах паук у разных этнических групп калмыков имеет разные наименования. Дербеты, увидев его, двукратно испуганно восклицают: «*Манжэ Авһ*, *Манжэ Авһ*» (‘Дядюшка Манджи, дядюшка Манджи’). В заговорах калмыков, как уже говорилось выше, упоминается еще один

паук черного цвета — это тарантул, которого торгуты Калмыкии называют уменьшительно-ласкательным словом *манжука*. Эмоциональное восклицание при встрече с пауком функционирует как заговор. Судя по всему, использование имени *Манжэ* (Манджи) — мотивированная замена слова *аралжн* ‘паук’. Испуг при встрече с этим насекомым усугублялся из-за того, что тарантул черного цвета весьма опасен, его укус является очень болезненным, хотя и не смертельным. Окраска паука также увеличивала испуг. Черный цвет — один из основных элементов цветовой символики, выступающий в оппозиции белое-черное.

Черный цвет ассоциировался с подземным миром (*хар там*), черными мыслями (*хар саната*), т. е. с плохим: *хар керг* ‘злодеяние, преступление’, *хар хов* ‘злая сплетня’. Таким образом, черный цвет в представлении калмыков связан с потусторонними силами и демоническим началом.

В трудах А. А. Бурыкина ипостась паука у тунгусо-маньчжурских народов — это паук-прародитель. Одно из названий паука связывается со словом «бабушка» [Бурыкин 1985: 37]. Калмыки также состоят с пауком «в родственных отношениях», судя по тексту заговора, он для них дядюшка. У манси, как и у некоторых групп хантов, жизнь в Нижнем мире движется в обратном направлении, человек в мире мертвых становится все моложе, затем от него остается только душа *урт*, которая превращается у женщин в паука, а у мужчин — в жука [Бурыкин 2007].

Можно сказать, что в калмыцкой заговорной традиции также упомянут древний образ прародителя, который называется *авһ* «дядюшка» (*Авһ* ‘дядя по отцовской линии’) [Калмыцко-русский словарь 1977: 21].

Еще одно название паука (скорее всего, это паук-крестовик, живущий в жилище) — *аралжн*. Паутина, которую он плетет, называется *аралжна гөлм* (букв. ‘паучья сеть’). Существует много примет относительно паука-крестовика: если паук спустится вниз — это предвещает приход гостя. По окрасу паука можно было определить облик будущего гостя: если паук желтоватого цвета, то придет светлолицый гость, если темного или черного — смуглолицый. Если паутина длинная — человек издалека [ПМА 2016]. На спускающемся на нити паука также распространялись некоторые запреты: его нельзя убивать, тем более обрывать паутину, на

которой он спускается в мир людей. В данном случае паук своими действиями связывает три мира. Как известно, пространство в фольклоре калмыков трехмерно, мир делится на Верхний мир (*Деед орн*), Средний мир (*Делкэ*), Нижний мир (*Дорд орн*).

У других монгольских народов бытовало совсем иное обозначение паука. Есть монгольская пословица: *Аалз харвал алж бай, агримба харвал мөргөж бай* 'Увидишь паука — убей его, а встретишь ламу-заклинателя — молись ему'. Текст пословицы явно противоречит буддийским представлениям монголов, по которым нельзя убивать живое существо. Монголы считали пауков самыми безжалостными существами на свете, поскольку те, по наблюдениям, поедали даже свою мать [Баярсайхан 2002: 55].

Плетение паутины *санср* — основное предназначение паука. Паутина на калмыцком языке обозначается, как уже говорилось выше, словом *гәлм*, второе значение этого слова 'рыболовная сеть' [Калмыцко-русский словарь 1977: 146]. Если рыболовная сеть плелась калмыками по образу и подобию паутины, то паук является символом ткачества и выступает как культурный герой.

Пауки обоих видов не встречаются в сказочном фольклоре, но в 72 небылицах, где действующими персонажами также являются животные и насекомые (блохи, мухи), упоминается сеть из паучьей паутины, которой ловят рыбу [Хальмг поэзин антолог 1960: 81].

Второе название паутины возникло от слова *санср* 'материя, космос, Вселенная', что говорит о том, что паук — символ связи между мирами. По некоторым мифологически представлениям, сеть паука, которую он беспрестанно прядет, держит мир и не дает ему распасться.

В монголо-ойратском героическом эпо-

се описано множество обрядовых действий. Одним из них является обряд очищения, который производится богатырями на макушке можжевельникового сокровенного Хангая. Для обряда очищения, согласно ритуалу, возводятся 13 воскурений, через них проходят пауки, в которых воплотились души мифических, враждебных богатырям существ — мангасов. Пройдя через нектарный дождь, пауки превратились в красавиц, будущих невест богатыря [Монголо-ойратский... 1923: 199]. Связь паука с женской ипостасью отмечена у манси [Бурыкин 2007].

Богатыри калмыцкого героического эпоса «Джангар» одарены 99 способностями. Так, отправляя в путь богатыря Санала, мудрец Алтан Чееджи говорит о нем: «Ты, как Савр, боевит, вооружен секирой, Ты, как Хонгор, обладаешь мужеством, как Мингиан, — красив, в тебе воплощены девяносто девять способностей». В тексте эпоса у богатыря 99 достоинств, в том числе умение перевоплощаться. Богатырь для достижения своих целей превращается в плешивого (тарха) мальчика, затем в паука, а девушку арагни превращает в платок [Кичиков 1979: 41]. Таким образом, одна из ипостасей богатыря — это паук. В таком виде он должен проникнуть в стан богатыря по паучьему следу (*аралжэна мөр*) или преследовать врагов. Словосочетание *аралжэна мөр* 'путь паука' встречается в описании пути героя, а также обряда перекочевки, которое В. Т. Сарангов относит к «типическим» местам в фольклоре монгольских народов [Сарангов 2004: 323]. Также путь героя подробно исследован Э. Б. Оваловым [Овалов 2000: 75].

В одном из типических мест упоминается путь паука:

Арвн жил болсн аралжэна

мөр мөрдэд ,

Хөрн жил болсн хорхан мөр мөрдэд црв.

По следу паука десятилетней давности стал преследовать,

По следу жука двадцатилетней давности стал преследовать

[Джангар 1960: 123].

Подобный образ пути характерен для бурятского фольклора, он отмечен в улигере «Үхэр Боксо хаан». В данном тексте

уже он обозначен как *хорхой*, а его путь как *хорхой мөр*.

*Хорин жил эхэнааша
Хорхойн мөрөөр мөршөлнө,
Арбан жилэ хэнааша
Абаахайн мөрөөр мөшихөнө;
Кругом бүтүүлжи үзэнэ.*

В течение двадцати лет
По следу червяка выслеживает,
В течение десяти лет
По следу паука выслеживает,
Все кругом высматривает.

[Бурчина 2011: 227–233].

В сказке, записанной в бурятском сомо-не Моголии, находят место некоторые слова из лексики монгольского языка, характерные для говора местного населения. В поэтике сказки в описании персонажей присутствуют сравнительные обороты, в которых упоминаются насекомые, например: «Съев [кусочек] масла величиной с паука, съев [кусочек] масла величиной с червяка» [Электронная библиотека]. Образ паука отражен в художественном творчестве, в частности в ювелирном искусстве. Для серебряных украшений калмыков характерен абстрактный орнамент, который называется *аралжна мөр зег* ('паучий след'), иногда его называли *ончта* 'особенный'. Линии в этом орнаменте располагались хаотично, при изготовлении пряжки в мужском поясе они налагались на серебро. Как известно, серебряные украшения в национальной одежде у калмыков имели охранительный, очищающий характер, орнамент усиливал эти функции [Калмыцкий... 1980: 25], поэтому появление его на деталях одежды у калмыков не случайно.

Таким образом, образ паука в калмыцком фольклоре и фольклоре других монгольских народов прошел значительную эволюцию. Он не известен как его персонаж, но встречается в поэтике эпоса, сказки. В заговорной традиции калмыков заговор паука проходит эволюцию от эмоционального выкрика до заговора. Можно предположить, что некогда у калмыков бытовал ряд фольклорных образцов, где главным героем был паук в разных его обозначениях. Поиски подобных текстов может быть продолжены и в современных условиях, в современной фольклорной традиции монгольских народов.

Источники

ПМА — Полевые материалы автора.

Литература

Баярсайхан Е. Этнокультурная лексика современного монгольского языка. М.: Ин-т языкознания РАН, 2002. 210 с.

Борджанова Т. Г. Обрядовая поэзия калмыков. Элиста: Калм. кн. изд-во, 2007. 590 с.

Бурькин А. А. Вера в духов. СПб.: Азбука, 2007. 320 с.

Бурькин А. А. К реконструкции мифологических представлений о пауке-прародителе у тунгусо-маньчжуров и других народов Северо-Востока Азии по лингвистическим, фольклорным и этнографическим данным // Формирование культурных традиций тунгусо-маньчжурских народов. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 1985. С. 37–51.

Бурчина Д. А. Фразеологизмы в улигерах бурят // Вестник Бурятского государственного университета. 2011. № 10. С. 227–233.

Калмыцкий народный орнамент / сост. Д. Б. Дорджиева, коммент. Г. С. Васькина. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1980. 240 с.

Калмыцко-русский словарь. М.: Русский язык, 1977. 768 с.

Кичиков А. Ш. Слово о словах (на калм.яз.). Элиста: Хальмг дегтр харгач, 1979. 170 с.

Куканова В. В., Омакаева Э. У. Фразеологические и онимические единицы с компонентом-цветообозначением *улан* в калмыцком языке в свете лингвокогнитивного подхода // Научная мысль Кавказа. 2011. № 1 (65). Ч. 2. С. 44–49.

Монголо-ойратский героический эпос. СПб.; М.: Гос. изд-во, 1923. 300 с.

Овалов Э. Б. Типология мотивов и сюжетов в эпосе монгольских народов: опыт сравнительно-типологического исследования / Южный научный центр РАН, Калмыцкий институт гуманитарных исследований РАН. Элиста: АПП «Джангар», 2004. 184 с.

Сарангов В. Т. Типические места как этнопоэтические константы калмыцких богатырских сказок на фоне ойратской эпической традиции // Этнопоэтика и традиция (к 70-летию В. М. Гацака). М.: Наука, 2004. С. 317–326.

Хальмг поэзин антолог. Элиста: Хальмг дегтр харгач, 1960. 250 с.

Электронная библиотека [электронный ресурс] // URL: <http://e-libra.ru/read/197205-buryatskie-volshebnye-skazki.html> (дата обращения: 16.04.2016).

Sources

PMA — *Polevyje materialy avtora* [Author's field studies] (In Russian).

References

- Bajarsajhan E. *Jetnokul'turnaja leksika sovremennogo mongol'skogo jazyka* [Ethno-cultural lexis of modern Mongolian]. Moscow, Institut jazykoznanija RAN Publ., 2002, 210 p. (In Russian).
- Bordzhanova T. G. *Obrjadovaja poezija kalmykov* [Ritual poetry of the Kalmyks]. Elista, Kalmyk Book Publ., 2007, 590 p. (In Russian).
- Burykin A. A. *Vera v duhov* [The Belief in spirits]. Saint-Petersburg, 2007, 240 p. (In Russian).
- Burykin A. A. *K rekonstrukcii mifologicheskikh predstavlenij o pauke-praroditele u tungusoman'chzhurov i drugih narodov Severo-Vostoka Azii po lingvisticheskim, fol'klornym i jetnograficheskim dannym* [To the issue of the reconstruction of mythological ideas about the spider-ancestor from the Tungus-Manchus and other peoples in northeast Asia according to linguistic, folklore and ethnographic data]. *Formirovanie kul'turnyh tradicij tungusoman'chzhurskikh narodov* (The formation of cultural traditions of the Manchu-Tungusic peoples). Novosibirsk, Izd-vo SO RAN, 1985, pp. 37–51 (In Russian).
- Burchina D. A. *Frazeologizmy v uligerah burjat* [Phraseological units in Buryat uligery]. *Vestnik Burjatskogo gosudarstvennogo universiteta* (Bulletin of Buryat State University). 2011, no. 10, pp. 227–233 (In Russian).
- Kalmyckij narodnyj ornament* [Kalmyk folk ornament]. Compiled by D. B. Dordzhieva, comm. by G. S. Vas'kina, Elista, Kalmyk Book Publ., 1980, 240 p. (In Russian).
- Kalmycko-russkij slovar'* [Kalmyk-Russian dictionary], Moscow, Russkij jazyk Publ., 1977, 768 p. (In Russian and in Kalmyk).
- Khal'mg poezin antolog* [The Anthology of Kalmyk poetry]. Elista, Hal'mg degtr harhach Publ., 1960, 250 p. (In Kalmyk).
- Kichikov A. Sh. *Slovo o slovah* [A word about words]. Elista, Hal'mg degtr harhach Publ., 1979, 170 p. (In Kalmyk).
- Kukanova V. V., Omakaeva E. U. *Frazeologicheskie i onimicheskie edinicy s komponentom-cvetooboznacheniem ulan v kalmyckom jazyke v svete lingvokognitivnogo podhoda* [Phraseological and onomastic units containing the color-forming component “ulan” in the Kalmyk language in the context of linguistic-cognitive approach]. *Nauchnaja mysl' Kavkaza* (Scientific Thought of the Caucasus). 2011, no. 1 (65), part 2, pp. 44–49 (In Russian).
- Mongolo-ojratskij geroicheskij jepos* [Mongolian and Oirat heroic epos]. Saint-Petersburg, Moscow, Gos. izd-vo, 1923, 300 p. (In Russian).
- Ovalov E. B. *Tipologija jepicheskikh motivov* [The Typology of epic motives]. Elista, APP “Dzhangar” Publ., 2000, 170 p. (In Russian).
- Sarangov V. T. *Tipicheskie mesta kak jetnopojeticheskie konstanty kalmyckikh bogatyrskikh skazok na fone ojratskoj jepicheskoj tradicii* [Typical places as ethno-political constants of the Kalmyk heroic tales in the Oirat epic tradition]. *Jetnopojetika i tradicii. K 70-letiju chlen-korr. RAN V. M. Gatsak* (Ethnopoetics and traditions. To the 70th anniversary of corresponding member of the RAS V. M. Gatsak). Moscow, Nauka Publ., 2004, pp. 317–326 (In Russian).
- Jelektronnaja biblioteka* [Digital library]. Available at: <http://e-libra.ru/read/197205-buryatskie-volshebnye-skazki.html> (acc: 16 April 2016) (In Russian).

УДК 398

ПАУК В ФОЛЬКЛОРНОЙ ТРАДИЦИИ КАЛМЫКОВТамара Горяевна Басангова¹

¹ доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник, отдел фольклора, Калмыцкий институт гуманитарных исследований Российской академии наук (Элиста, Российская Федерация).
E-mail: basangova49@yandex.ru

Аннотация. Калмыцкий фольклор вобрал в себя сложную систему символов, отражающих национальное своеобразие и специфику культуры калмыков. В данной статье автор исследует образ паука, который в калмыцкой лексике имеет много наименований, одно из которых *аралжн* — это паук-крестовик, живущий в жилище, паутина, которую он плетет, называется *аралжна гэлм* 'паучья сеть'. Паук выступает как культурный герой, благодаря пауку или подражая ему, люди учатся искусству ткачества, которое часто рассматривается как самое первое ремесло, родившееся из необходимости сотворения. Второе название паука, встречающееся в заговоре, — это дядюшка Манджи, оно отражает почтительное отношение людей к пауку. Образ паука встречается в текстах калмыцкого фольклора (в заговорах, приметах, в 72 небылицах), в изобразительной системе сказки и эпоса монгольских народов. Образ паука отражен и в художественном творчестве калмыков. Так, для серебряных украшений калмыков характерен абстрактный орнамент, отличающийся от других. Он носит название *аралжна мөр зег* (паучий след). Изучение животного мира в калмыцком фольклоре позволит изучить «зоологический код» в калмыцком многожанровом фольклоре.

Ключевые слова: калмыцкий фольклор, паук, заговор, ритуал, приметы.